

У Миньчжи не только пользовался любовью бабушки и матери дома, но и слыл сердцеедом за его пределами. Он никому не отказывал, и в столице за ним прочно закрепилась репутация ловеласа. Ходили слухи, что он водил связь с несколькими моими тётками и двоюродными сёстрами из рода У, а также что ему нравились юные девушки: на пирах он нередко заставлял служанок моложе десяти лет прислуживать ему обнажёнными. Однако, с одной стороны, в столице хватало знати, нравы царили распущенные, тайные свидания мужчин и женщин были делом обычным, да и репутация принцесс оставляла желать лучшего. С другой — по законам нашей великой династии Тан, положение рабов мало чем отличалось от скота или товара: если господа играли с ними, били или даже убивали, это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Поэтому люди не стыдились подобных любовных походов. Даже Ли Жуй, если бы не догадался по намёкам матери, что У Миньчжи когда-то сделал со мной, вероятно, не только не стал бы его бранить, но, напротив, с лёгкой завистью усмехнулся бы: «Кузен, да ты мастер!»

Ли Жуй ещё не открыл свою резиденцию, так что сведения его были скудны. Я уже просмотрела их ранее, а теперь вновь перечитала вместе с Вэй Хуань. Та несколько раз повторила названия его должностей и сказала: «Должность сяошулана хоть и невысока, но весьма почётна. Многие кузены из рода Цуй гордились, получив её после экзаменов. У Миньчжи, минуя кэцзюй, был назначен на этот пост да ещё попал в Академию Хунвэнь. Ваше Величество и вправду его ценит».

В последнее время я с Ваньэр изучала чиновничьи ранги и уже хорошо разбиралась в должностях вроде пушанлана или шаншу, потому кивнула: «Но ведь как бы ни ценили прежде, всё равно отправили в Миньчжоу?»

Вэй Хуань слегка нахмурилась: «Это не такие глухие места, как Лю или Лун. К тому же теперь его перевели в Юаньчжоу. Он явно не утратил милости императора».

Я усмехнулась: «Милость не вечна. Мои двое дядьёв — законные наследники рода У, родные братья матери, — и те кончили плохо. Он же всего лишь племянник по женской линии. Неужели он может быть ближе, чем родные братья?» Не то что братья — в иное время мать могла безжалостно убить даже собственных детей, не то что племянника. Мысль эта была поистине печальной, но раз уж я родилась здесь, оставалось лишь быть «примерной дочерью».

Вэй Хуань задумалась, склонив голову набок: «Он наследник рода У. Тяньхоу любит его, потому что он способен возвеличить дом У и стать ей опорой. А если он не только не помышляет о роде, но и питает к нему ненависть... Скажи, были ли у его отца другие сыновья?»

Я думала лишь об отсутствии преданности роду У, а Вэй Хуань копнула глубже. На душе стало неловко, но на лице я изобразила, что тоже об этом подумала, и равнодушно ответила: «У его матери был только он. Была ещё сестра, но, кажется, рано умерла». Тут меня осенило — а не связан ли в этой жизни мой отец с тётушкой и двоюродной сестрой? Если так, то разве его отец мог не таить злобы? И когда он умер, передал ли эту злобу сыну?

Вэй Хуань не заметила моего выражения и лишь слегка улыбнулась: «Если единственного законного сына отдали в другую семью как наследника, то негодование рода Хэлань неудивительно. В своё время он вёл себя непочтительно во время траура по госпоже Жунго — возможно, именно из-за обиды. Как думаешь?»

Я только начала строить догадки, а Вэй Хуань уже в трёх словах определила вину. Я восхитилась её умом, но в то же время почувствовала холодок вдоль спины. Привстав, я уставилась на неё: «А-Хуань, мне никогда не стоит тебя обижать».

Вэй Хуань бросила на меня сердитый взгляд: «Это ты хочешь с ним разделаться, это твоя затея, я лишь развила твою мысль. Почему выходит, будто это я его подставляю?» Помолчав, добавила: «Или... ты изначально задумывала не это?»

Я смущённо усмехнулась. Вэй Хуань всё поняла и, пристально глядя на меня, спросила: «Так как же ты планируешь с ним поступить?»

Я ответила: «По сути, разницы нет. Я лишь думаю, что род У не обязан выбирать его. Хотя оба дяди уже в опале, у них остались дети. Да и у матери много родичей. Выбрать из них достойных, почаще заговаривать с матерью, да ещё противопоставить их порокам У Миньчжи — кто лучше, она и сама поймёт».

Вэй Хуань приподняла бровь: «И это всё, на что ты рассчитываешь, утверждая, что на девять десятых уверена в возможности вызвать к нему императорскую немилость?»

У меня загорелись щёки, но я упрямо сказала: «А разве плохой план?»

Вэй Хуань ответила: «Оставим в стороне близость или дальность родни У. Ты живёшь в глубине дворца, даже биографию У Миньчжи смогла раздобыть лишь через других. Как ты узнаешь, кто в роду У хорош, а кто нет? У императора всего два брата, и оба сосланы. Она даже не выбрала их сыновей, а предпочла племянника. Тут, должно быть, кроется какая-то глубокая вражда. Если ты станешь подталкивать её сменить наследника, разве не боишься, что она сама тебя отчитает? К тому же, ты думаешь, отправка в другую область — это наказание? Вдруг император просто закаляет его характер? Таких красивых и талантливых юношей, да ещё с выдающимися литературными и военными заслугами, на свете и так мало. Если император не боится пересудов и непременно желает видеть его наследником князя Инго, значит, верит в его способности. Разве станет она лишать его положения из-за пустяков?»

Я была уверена в своих словах, ибо кое-что знала из истории, но после её объяснений осознала, сколько в моём плане изъянов. Сначала я ещё готова была согласиться, но, услышав про «красивого юношу», ощутила приступ немой ярости и проворчала: «С чего это ты его вдруг защищаешь? И что за «красивый юноша»? С его-то женоподобной внешностью! Не понимаю, как его можно хвалить!»

Вэй Хуань сказала: «Я не говорила, что он мне нравится...»

Я возразила: «Тогда зачем упомянула?»

Вэй Хуань серьёзно объяснила: «Вся знать ценит внешность. Его красота — преимущество, и ты должна это учитывать».

Я знала, что она права, но на душе было беспокойно. Я злилась на Вэй Хуань за то, что та не понимает моих чувств и возвышает его, но прямо сказать не могла. Лишь с досадой пробормотала: «Золото снаружи, гниль внутри. Какой бы красавец ни был, толку нет! Рано или поздно мать его всё равно убьёт».

Вэй Хуань удивилась: «Обычно у тебя с литературным слогом неважно, а тут выражение подобрала очень меткое». Снова склонив голову набок, она с любопытством спросила: «Ты так уверена... Неужели Тяньхоу уже что-то намекнула? Что именно У Миньчжи сделал, что ты так на него злишься?»

Я запнулась. Не могла же я сказать, что в истории Хэлань Миньчжи был убит матерью, и не могла рассказать о том, что он делал со мной в детстве. Я просто повалилась на постель,

накрылась одеялом с головой и буркнула: «Спать хочу!»

Вэй Хуань и вправду была хорошо осведомлена. На следующее утро, едва встав, я услышала от служанок, что мать внезапно пожелала устроить пир в Павильоне Плывающих Чаш. Говорили, что с полудня нас ждёт стрельба из лука и совместное сочинение стихов, и мне велели никуда не выходить. Увидев, что посланник — чжунъечжэ, я поняла, что указы развозят и другим, и спросила: «Кроме шестого принца и меня, кто ещё будет? Придут ли сановники или только родня?»

Тот улыбнулся: «Ваш слуга знает лишь о князе Цзи, князе Сюй, князе Цзэ, князе Ин и князе Сюаньчэне».

Услышав, что все они родственники, я не была уверена, вызывала ли мать ещё кого-то, и потому спросила: «Матушка сейчас в главном зале? Я пойду к ней».

Едва я произнесла это, Вэй Хуань бросила на меня взгляд. Я заметила и, когда посланник удалился, спросила: «Что такое?»

Вэй Хуань ответила: «Ты так прямо спрашиваешь о местонахождении императора?»

Я удивилась: «А как иначе?»

Вэй Хуань помедлила и сказала: «Я подумала, это не совсем правильно. Но ты ведь принцесса, а не принц, так что, пожалуй, невелика беда».

Я сообразила, о чём она, и хотела было усмехнуться: «Я всегда так делаю, матушка не взыщет», но вспомнила, что моя мать — та самая знаменитая У Цзэтянь, и улыбка мгновенно слетела с лица. Помолчав, я произнесла: «Впредь буду осторожнее».

Вэй Хуань сказала: «Я просто заметила, не стоит слишком стараться...» Она огляделась и быстро, понизив голос, добавила: «Ты выросла рядом с императором, она хорошо знает твой нрав и повадки. Потому и волноваться не о чем».

Я поняла, что она имеет в виду, и горько усмехнулась. Собиралась было сказать: «В таком случае, должна поблагодарить Сун Фою», но вдруг мелькнула мысль, и я нарочно улыбнулась: «Сколько тебе заплатила Сун Фою, что ты и заочно за неё заступаешься?»

<http://bllate.org/book/16278/1466034>